

УДК 882

**РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА «МУЖИКИ», «В ОВРАГЕ»
И ПРОЗА О КРЕСТЬЯНСТВЕ 1880–1890-х гг.:
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ**

© *Проваторова Ольга Николаевна*

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета.

Россия, 460018, г. Оренбург, пр. Победы, 13

E-mail: olgaprovatorova@yandex.ru

В статье рассматриваются приемы изображения действительности, роднящие произведения А. П. Чехова о народной жизни с прозой писателей-натуралистов о крестьянстве 1880–1890-х гг. Акцент сделан на натуралистических способах изображения деревенской жизни и крестьян. Выявляется отличие чеховской манеры от письма писателей-натуралистов.

Ключевые слова: произведения о народной жизни, натуралистические тенденции, приемы и способы изображения образов крестьян, народного быта.

“MEN”, “IN THE RAVINE” SHORT STORIES
BY A. P. CHEKHOV AND PEASANTRY PROSE
OF 1880–1890S: COMMON AND DIFFERENT

Olga N. Provatorova

PhD, senior teacher of the Department of Russian philology and methodology of teaching Russian, Orenburgh State University.

13, Victory Avenue, Orenburg, 460018 Russia

The article reviews the ways of depicting reality, which unite Chekhov's works about people's life with the prose of peasantry writers-naturalists of the 1880-1890s. The emphasis is made on naturalistic ways of depicting country life and peasants' images. Chekhov's difference from writers-naturalists is shown.

Keywords: works about people's life, naturalistic tendencies, ways of portraying peasants' images, people's everyday life.

Закончив работу над рассказом «Мужики» (1897), в одном из писем Суворину А. П. Чехов называет ее «повестью из мужичьей жизни» [1, т. 6, с. 298]. Как особая жанровая разновидность, «повесть из народного быта» утверждается в 40–50-е гг. XIX в., что связано с автором знаменитых «Деревни» (1846) и «Антон-горемыки» (1847) Д. В. Григоровичем. А в 1850-е гг., как верно отмечает исследователь Т. П. Голованова, повести из народного быта «превратились в моду, поветрие, обязательную дань времени» [2, с. 351].

В эти годы повестям, рассказам и романам о народе был присущ общий, достаточно серьезный недостаток, на который первым обратил

внимание критик П. В. Анненков: «...в настоящую минуту предмет описания – простонародный быт – стоит еще враждебно к самому способу описания его в романах и рассказах» [3, с. 20]. Анализируя произведения Григоровича, Потехина, Писемского, Кокорева, он пришел к выводу, что к изображению народной жизни и людей «высшего сословия» писатели применяют одни и те же приемы. А это неправильно, потому что отсюда вытекает и искусственность в построении сюжета, неестественность языка и психологии персонажей. По мнению Анненкова, «простой, естественный быт только тогда доступен искусству, когда берется в обыкновенном своем состоянии и сам стоит на первом плане безраздельно» [4, с. 68]. Именно по этому пути будет идти развитие повести из народного быта в следующие десятилетия.

Показательными для 60–70-х гг. XIX в. можно назвать «Крестьян-присяжных» Н. Н. Златовратского и «Подлиповцев» Ф. М. Решетникова, для которых свойствен поиск новых художественных принципов изображения. В этих произведениях усиливается очерковость, роль фабулы снижается, язык персонажей становится более естественным, приближенным к жизни. И все же, как считает исследователь Н. В. Капустин, при всей значительности произведений Златовратского и особенно «Подлиповцев» Решетникова, «это не вершинные достижения в истории повести из народного быта. Не будет таковых и в 80-е годы. Лучшие “простонародные” повести в XIX веке были написаны Чеховым» [5, с. 203]. Исследователь считает, что «художественная сила чеховской повести («Мужики». – О. П.) не в оригинальности авторской концепции народной жизни. И не в своеобразии жанровых решений. Она – “в отделке” образов персонажей, сжатости повествования, психологической емкости и выразительности деталей... Именно эти качества, о которых неоднократно писали исследователи Чехова, и делают его произведение одним из лучших в ряду повестей из народного быта» [5, с. 204].

Мы считаем, что к этому ряду качеств, придающих художественную силу чеховскому рассказу «Мужики», помогающих достичь психологической емкости, выразительности образов, необходимо добавить наличие в повести *натуралистических тенденций*, которые, с одной стороны, роднят Чехова с другими авторами рассказов о деревне, а с другой – отличают его от них весьма существенным образом. Чехову в рассказах «Мужики» и «В овраге» необходимы *натуралистические краски* для описания мрачной действительности, невыносимости, ужаса существующей жизни.

Рассказ «Мужики» увидел свет в 1897 г. в № 4 журнала «Русская мысль» и сразу стал объектом живейшего обсуждения. «За последние годы ни одно беллетристическое произведение не вызывало столько разговоров», – констатировал Н. К. Михайловский (Русское богатство, № 6). «...Твои “Мужики” – величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, – писал Чехову А. И. Сумбатов-Южин, – по крайней мере, для русского человека... Удивительно высок и целен твой талант в “Мужиках”. Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихий-

ного, шекспировского рисунка; точно ты не писатель, а сама природа» [6, т. 9, с. 516].

Чехов во многом разделял многие фундаментальные убеждения с теоретиками натурализма, прежде всего требование объективного, близкого к методам естественных наук подхода в литературе. И критики все же заметили такой подход в «Мужиках» Чехова. Например, Меньшиков в статье «Три стихии» характеризовал деревенские рассказы Чехова как «научные диссертации» – «очень строгие народно-бытовые исследования», «глубоко обдуманые доклады русскому обществу о современном состоянии деревни» [7, с. 205]. «Северный вестник» характеризовал Чехова «как замечательного мастера», «чистого художника», «объективно» изучающего жизнь и рисующего картины, «страшные по своей неумолимой правде». Критик сравнивал «Мужиков» с «La Tette» Эмиля Золя и отмечал при этом, что французский писатель «далеко не достигает того реализма, от которого делается жутко» [8, с. 35–38]. То есть уже современные Чехову читатели и критики отмечали близость писательской манеры Чехова манере Золя с обилием у него натуралистических подробностей.

«Мужики» содержат большое число натуралистических сцен и описаний семьи Антипа Седельникова: «...Антип Седельников паял что-то возле печи, надувая щеки; было угарно. Дети его, тощие, неумытые, не лучшие чикильдеевских, возлились на полу; некрасивая весноватая жена с большим животом мотала шелк. Это была несчастная, убогая семья, и только один Антип выглядел молодцом и красавцем» [6, т. 9, с. 304]; Николая Чикильдеева: «Между тем вернулись старики, отец и мать Николая, тощие, сгорбленные, беззубые...» [6, т. 9, с. 282]; семейных сцен: «...Подойдя к жене, он размахнулся и ударил ее кулаком по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударом, и только присела, и тотчас же у нее из носа пошла кровь» [6, т. 9, с. 285]; «... Кирьяк все три дня был страшно пьян, пропил все, даже шапку и сапоги, и так бил Марью, что ее отливали водой. А потом всем было стыдно и тошно» [6, т. 9, с. 307].

Мы сравнили несколько рассказов и очерков русских писателей-натуралистов 90-х годов с повестями Чехова и обнаружили почти дословное совпадение в описании крестьянской жизни. У Н. Г. Гарина-Михайловского («Несколько лет в деревне»): «В избе ползают полуголодные ребятишки, все простуженные; плачут; изба холодная, грязь, спертый воздух, теленок кричит; умерший лежит на лавке, а у старика на лице такое спокойствие, как будто все это так и должно быть» [9, с. 37]. У Н.Д. Телешова: «Охает больная старуха, бесстрастно ругается скверными словами кто-то из шалаша, визжат и весело резвятся дети, прыгая через лужи, дымятся кое-где костры под черными котелками, шипит в них какое-то варево, на которое с завистью смотрят чужие голодные люди» [10, с. 163–164].

Однако при всем сходстве с повестями Чехова очерки этих писателей-натуралистов – лишь документы, фотографии своей эпохи, бесстрастные свидетельства ее. Чеховские же повести, тоже основанные на

точном материале своего времени, далеко выходят за его пределы, ставят вопросы бытийные, поднимаясь над бескрылым натурализмом. В заключительной тираде «Мужиков»: «Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания» [6, т. 9, с. 311] – Чехов не оправдывает мужика, но напоминает об особом мире, индивидуальном, личном, заключенном в душе каждого человека. Это же можно сказать и еще об одном рассказе Чехова, который часто ставят рядом с рассказом «Мужики» и называют «деревенским» – это рассказ «В овраге» («Жизнь», 1900 г., № 1).

В примечаниях к Полному собранию сочинений отмечается, что некоторые заметки из Четвертой записной книжки писателя указывают на родственность предыстории этих двух крупнейших произведений о народной жизни [6, т. 10, с. 432]. В основе произведений, как отмечали еще современники писателя, лежат вполне реальные мелиховские впечатления. Например, М. П. Чехов отмечал: «...семь лет “мелиховского сидения” не прошли для него даром. Они наложили на его произведения этого периода свой особый отпечаток, особый колорит. Это влияние Мелихова признавал и он сам. Достаточно вспомнить о его “Мужиках” и “В овраге”, где на каждой странице сквозят мелиховские картины и персонажи» [11, с. 280].

Интересно, что описание уклеевской фабрики, быта и нравов уклеевских хозяев, простых крестьян и работников фабрики, уклада их жизни – все это реалии, имевшие место в жизни, что выясняется при обращении к документам, зафиксировавшим факты, известные Чехову по его общественно-медицинской деятельности в период холерной эпидемии 1892–1893 гг., а также в связи с его избранием в 1894–1895 гг. в комиссию уездного санитарного совета по осмотру фабрик. Среди документов – два служебных медицинских отчета по временному мелиховскому участку за 1892 и 1893 гг., представленные в совет Чеховым, который возглавлял этот участок, и такие официальные материалы, как «Дело Серпуховской земской управы о сафьянно-лаично-кожевенном заведении крестьян Шелагуровых в селе Крюкове», «Доклад Серпуховского уездного земского санитарного совета уездному собранию. Октябрь 1892» и почти ежегодно издававшиеся уездным земством в 1890-х гг. «Обзоры Серпуховской земской санитарно-врачебной организации» (1894) – все они хранятся в Доме-музее А. П. Чехова в Ялте [6, т. 10, с. 439].

Можно сказать, что основа повести «В овраге» вполне реальна. С. Н. Щукин вспоминал, что и сам Чехов признавал, что в повести отразились факты, лица, события, естественно имеющие художественно обобщающий смысл. Он приводит в своих воспоминаниях следующие слова Чехова: «Я описываю тут жизнь, какая встречается в средних губерниях, я ее больше знаю. И купцы Хрымины есть в действительности. Только на самом деле они еще хуже. Их дети с восьми лет начинают пить водку и с детских же лет развратничают; они заразили сифилисом всю округу. Я не говорю об этом в повести, <...> потому что говорить об этом считаю нехудожественным. <...> А знаете, <...> вот то, что

мальчика Липы обварили кипятком, это не исключительный случай; земские врачи нередко встречаются такие случаи...» [12, с. 46–47].

Грубая проза жизни с ее низменными инстинктами, жестокостью, нищетой, тяжелым трудом ассоциируется в рассказе с запахом дешевой водки и табака, химических веществ и материалов: керосина, уксуса, краски, каучука, клея, скипидара и т.д. С этой семантической группой связаны слова *вонять, вонь, вонючий, противный, тяжелый, удушливый*. В рассказе «В овраге» (как и в «Острове Сахалин», «Палате № 6», «Мужиках» и др.) Чехов изображает «жизненное пространство героев, в котором нормальный человек не может существовать, “задыхается” в прямом и переносном смысле слова... Запах становится метафорой непереносимости жизни» [13, с. 190].

В этом рассказе Чехова ярче, чем в других произведениях, изображена безысходность ситуации, предопределенная словно тем, что **всегда и везде невозможно дышать**: «Когда в заговенье или в престольный праздник, который продолжался три дня, *сбывали мужикам протухлую солонину с таким тяжким запахом, что трудно было стоять около бочки*, и принимали от пьяных в заклад косы, шапки, женины платки, *когда в грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грех, казалось, сгустившись, уже туманом стоял в воздухе*, тогда становилось как-то легче при мысли, что там, в доме, есть тихая, опрятная женщина, которой нет дела ни до солонины, ни до водки» [6, т. 10, с. 146]; «В нем не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже летом, особенно под заборами <...>. Здесь всегда *пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой*, которую употребляли при выделке ситцев. <...> От кожевенной *фабрики вода в речке часто становилась вонючей; отбросы заражали луг*, крестьянский скот страдал от сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть» [6, т. 10, с. 144].

Часто использует писатель натуралистические краски в портретных описаниях: «Сам он имел неинтересную, незаметную наружность; *при слабом, нездоровом сложении и при небольшом росте у него были полные, пухлые щеки, точно он надувал их; глаза не мигали, и взгляд был острый, борода рыжая, жидкая, и, задумавшись, он все совал ее в рот и кусал; и к тому же он часто выпивал, и это было заметно по его лицу и походке*»; «Жена писаря, *женщина исхудалая, косая, привела с собой всех своих детей, и, точно хищная птица, косилась на тарелки, и хватала все, что попадалось под руку, и прятала себе и детям в карманы*» [6, т. 10, с. 149, с. 155–156].

Отзывы критиков на новый рассказ Чехова о народной жизни были похожи на отзывы о рассказе «Мужики». Издатель журнала «Жизнь», прочитавший рукопись, отозвался о нем так: «Какая беспощадная, какая зловещая правдивость! Ни одного намека на эффект, а впечатление огромное...» [6, т. 10, с. 440]. Многие критики объединялись во мнении, что дарование Чехова направлено на фиксацию только лишь мрачных сторон действительности: «На вид простая и тусклая жизнь изображена <...> в страшных красках <...> Прекрасного нет в этой жизни» [14, с. 233]. А. Ф. Кони признавался Чехову: «...Мне кажется, что это лучше

всего, что Вы написали, что это – одно из глубочайших произведений русской литературы» [6, т. 10, с. 442].

Либерально-буржуазная критика также выступила с многочисленными отзывами о повести. Они выступали в привычном тогда для многих ключе, сводя весь анализ повести к пессимизму Чехова, который рисует ужасы, мрак и бестолковщину русской жизни правдиво, но без определенной общественной направленности. Именно констатацию бессмысленности жизни и только одни «безотрадно-мрачные краски» увидел в повести А. М. Скабичевский, отметив, что в этой повести Чехова «тоскующие ноты доходят до крайнего кресчендо» [15].

Вопреки почти всеобщему мнению о «хмуром пессимизме» писателя, один из первых критиков рассказа «Мужики» М. О. Меньшиков отметил «пленительную чеховскую свежесть, едва уловимые настроения прекрасной, бодрой души, все созерцающей точно в солнечном свете» («Книжки недели», 1897, № 5). Действительно, несмотря на всю мрачность и трагичность рассказа, в нем есть свет, есть надежда, несмотря на весь ужас происходящего, для изображения которого и понадобились Чехову натуралистические краски. «В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга.... Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания» [6, т. 9, с. 311].

Показательна в этом отношении и сцена, когда по деревне носили икону: «Все как будто вдруг поняли, что между землей и небом не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита от обид, от рабской неволи, от тяжелой невыносимой нужды, от страшной водки» [6, т. 9, с. 307]. Ср.: «И чувство безутешной скорби готово было овладеть ими. Но казалось им, кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит все, что происходит в Уклееве, сторожит. И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью» [6, т. 10, с. 165–166].

Сравнение нескольких рассказов и очерков русских писателей-натуралистов 1890-х гг. с повестями Чехова обнаружило почти дословное совпадение в описании крестьянской жизни. Но в отличие от них Чехову недостаточно изобразить действительность, насколько бы ужасной она ни была. Главным для писателя остается изображение внутренней жизни человека. Казалось бы, сжатая эпопея Чехова «Мужики», начиная с ее обобщающего заглавия, носит подчеркнуто безличный характер. Эпизоды, из которых складывается произведение, картины нужды, бесправия, пьянства и побоев – все это повседневный и всеобщий обиход, одинаковый для любого героя повести. Но Чехов не ограничивается изображением этого обобщенного образа мужика, он несколькими беглыми чертами, со свойственным ему лаконизмом воссоздает раз-

ные индивидуальности, отличные друг от друга грани характера, простирающиеся на общем фоне кажущейся деревенской ординарности. К индивидуализации образа стремился в меру своих сил, конечно, и натуралист Н. Д. Телешов, и любой другой автор деревенских очерков. Тем не менее, человек интересовал их лишь в своей социальной функции, как слагаемое некоего общественного процесса («С богом», «Нужда», «На тройках», «Лишний рот» Н. Д. Телешова). Персонажи рассказов натуралистов можно поменять местами, и при этом движение сюжета не изменится, потому что поступок действующего лица предопределен не свойствами его личности, а неумолимым давлением общественно-экономических сил действительности. Как считает Е. Б. Тагер, «в основе подобного очерка-рассказа лежит драматическая ситуация, продиктованная не индивидуальной, а социальной судьбой персонажа» [16, с. 168].

Например, в рассказе Телешова «Нужда» повествуется о переселенце Матвее, который вместе со своей многочисленной семьей ожидает очереди на отправку по реке на барже. В ожидании своей очереди семья прожила последние деньги. Именно в тот момент, когда приходит переселенческий пароход и подходит очередь семье Матвея, тяжело заболевает ребенок, сын Матвея – Николка. А с больными на пароход не берут. Матвей должен решить, что ему делать – оставить ребенка одного на берегу умирать и всю оставшуюся жизнь винить себя, или обречь всю семью, оставшись и пропустив очередь, на голодную смерть. Матвей выбирает первое. Конечно, герой мог поступить по-другому, но от этого в рассказе ничего бы не изменилось, поскольку, как отмечает Е. Б. Тагер, «писателя занимает, в первую очередь, не данная психологическая коллизия, а общественные условия, в которых рождаются подобные коллизии» [16, с. 169].

Такой же, можно сказать, «надындивидуальный» характер имеет рассказ Телешова «С богом» («Самоходы»). Бедная семья крестьянина Устиныча переселяется на новые земли, в Сибирь. Но так как лошадей у бедняков нет, в тележку впрягаются старик Устиныч, его сын Трофим и 13-летний внук Сашутка. Многие сотни верст под солнцем и дождями едет эта человеческая «тройка», пока не умирает от бессилия Устиныч. В «тройке» остаются только двое. На первый взгляд, ситуация исключительна, но рассказ можно назвать типическим: «...это частный случай, раскрывающий общую трагедию переселенчества. Эта художественная “социология”, упор на социально-типическую ситуацию, а не на развертывание индивидуального характера представляли собой ограниченность новеллистики 90-х годов» [16, с. 169].

При всем сходстве с повестями Чехова очерки этих писателей-натуралистов – лишь документы, фотографии своей эпохи, бесстрастные свидетельства ее. Чеховские же повести, тоже основанные на точном материале своего времени, далеко выходят за его пределы, ставят вопросы *бытийные*, поднимаясь над бескрылым натурализмом.

Проанализировав «деревенские» рассказы Чехова можно сделать следующий вывод: натуралистические приемы и средства могут плодотворно трансформироваться и ассимилироваться писателем-реалистом,

служить реалистическому методу, они оправданны и необходимы, когда речь идет об уродливых, страшных сторонах жизни.

Натуралистические приемы и средства помогают создать образы движущейся к хаосу и уничтожению жизни и показать весь ужас и безысходность существования человека в «задыхающемся», непригодном для существования, мире.

Литература

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1974–1983. – Письма: в 12 т.
2. Голованова Т. П. Судьба «гоголевского направления» в 50-е годы: Традиции и новаторство в идейно-эстетической эволюции повести // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. – Л., 1973.
3. А-в П. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // Современник. – 1854. – Т. 44.
4. А-в П. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // Современник – 1854. – Т. 43.
5. Капустин Н. В. «Чужое слово» в прозе А. П. Чехова: Жанровые трансформации: дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2003.
6. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М., 1974–1983. – Соч.: в 18 т.
7. Меньшиков М. О. Три стихии // Книжки недели. – 1900. – № 3.
8. Северный вестник. – 1897. – № 5.
9. Гарин-Михайловский Н. Г. Несколько лет в деревне. – Чебоксары, 1980.
10. Телешов Н. Д. Избр. соч.: в 3 т. – Т.2. – М., 1956.
11. Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. – М., 1964.
12. Шукин С. Н. Из воспоминаний об А.П. Чехове // Русская мысль. – 1911. – № 10.
13. Григорьева О. Н. Мир запахов в языке Чехова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. – М., 2000. – С. 182–194.
14. Белинский М. Литературное обозрение. «В овраге» // Ежемесячные сочинения. – 1900. – № 2.
15. Скабичевский А. М. Текущая литература // Сын отечества. – 1900. – № 49. – 18 февр.
16. Тагер Е. Б. Проблемы реализма и натурализма // Русская литература конца XIX – начала XX в. Десяностые годы. – М., 1968. – С. 143–188.